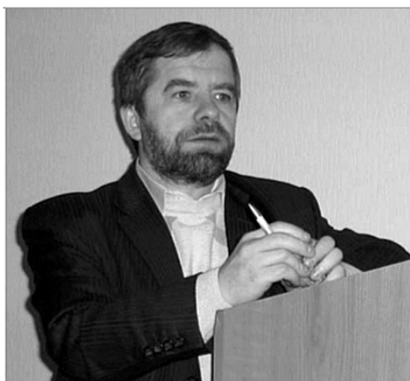

Искушение Христа. Художник Н.К. Рерих. 1933

УДК 11:17.02:2-1

С.А. Нижников

А.А. Лагунов

**Нижников С.А.*,
Лагунов А.А.****

Фил и Соф: диалоги о вечном и преходящем. Россия и Европа: борьба за веру

*Нижников Сергей Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Российского университета дружбы народов (Москва)

E-mail: sergey-a-nizhnikov@j-spacetime.com; nizhnikovs@mail.ru

**Лагунов Алексей Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры социологии и теологии Северо-Кавказского федерального университета

E-mail: alexey-a-lagunov@j-spacetime.com; emailag@mail.ru

В статье в диалогической полемической форме обсуждаются причины современного усиления цивилизационных противоречий между «русским миром» и обществами, ориентированными на западный путь развития. Отталкиваясь от догматических оснований христианства и их социально-исторических метаморфоз, авторы пытаются найти корень противоречий между Россией и Западом и выработать самые общие основания их возможного преодоления.

Ключевые слова: Россия и Европа, христианство, православие, католицизм, протестантизм, схизма, трансцендентизм, язычество, славянофильство, западничество.

Фил. Вот уже два года, как не ослабевает накал цивилизационных противоречий между «русским миром» и обществами, ориентированными на западный путь развития. И эти противоречия привели не только к противостоянию ценностно-мировоззренческих систем, но и к прямой идеологической и санкционной экспансии, направленной против России. Европа, как это уже не раз быва-

ло в истории, снова объединяет свои силы, на этот раз контролируемые из-за океана. То, что такие масштабные кампании (крестовые походы против православной Руси XIII в.; Отечественная война 1812 года; Крымская война, почему-то самими нами описываемая в исключительно мрачных тонах; Первая мировая и Гражданская; Великая Отечественная) всегда имели неоднозначный исход для агрессора, плохо сегодня осознается западными обывателями, по привычке назначающими россиян своими врагами. Вернее, обывателям навязывают такое мнение через всевластные СМИ правящие круги – и это тоже не новое дело в истории, уроки которой быстро забываются.

Удивляет то постоянство, с которым европейцы противопоставляют себя русским, удивляет потому, что мировоззренческий фундамент у нас и у них один и тот же – христианское вероисповедание. И хотя это порой плохо осознается многими, но и европейская, и российская культуры есть плоды именно христианского мировосприятия.

«Весь парадокс нашей эпохи есть именно этот тупик, перед которым она стоит: в ней жива религиозная сфера, но отпали религиозные идеи, верования, в ней страстно рвется наверх заглушенная религиозная потребность, но для удовлетворения ее наша эпоха предлагает всякого рода суррогаты, – ибо всяческие мифы (которые создаются для этой цели) есть самообман, подделка, суррогат. Можно пойти дальше и сказать: христианское человечество доныне живет евангельскими благовестиями, но оно ищет их осуществления без Христа, без Его Церкви и ее таинств», – писал В.В. Зеньковский¹.

Понятно, что западная и восточная ветви христианства в социально-историческом развитии сформировали свою специфику, и это, несомненно, находит отражение и в менталитете народов, им приверженным. По сути, Великая Схизма продолжается и сегодня. Только если крестоносцы осознавали, что бьются они против «схизматиков»-еретиков, то в последующих походах объединенной Европы против России эта цель была только имплицитной, но ведь была же. Более того, наверное, можно утверждать, что она и являлась истинной причиной войн, все же остальное было многочисленными поводами.

Однако не только войнами ограничивалось наше «общение» с Европой, даже в самые лучшие мирные времена между нами никогда не прекращалось идеологическое противостояние. Все бесконечные споры славянофилов и западников, почвенников и либералов подпитываются энергией именно этого противостояния, его разностью потенциалов. Идет непрекращающаяся борьба за веру, и каждый ее участник, чаще бессознательно, некритично принимает определенные критерии «различения духов», распознавания добра и зла. И хотя у нас общее Писание, интерпретировали мы его по-разному, результат – особенные смыслы существования.

Сегодня, когда Европа снова взялась за «схизматиков», отстаивая уже не католическую или протестантскую веру, а собственную смысложизненную либерально-демократическую *псевдо-религиозную* концепцию, мне кажется, очень важно разобраться как в истоках, так и в многочисленных последствиях нашей вековой борьбы. Однако, к сожалению, на религиозные аспекты противостояния сейчас мало кто обращает внимание (даже верующие исследователи), по устоявшейся многолетней привычке относя религиозные феномены к атавистическим. Но они, пусть и в превращенном виде, продолжают формировать устойчивую доминанту нашей социальной жизни.

Соф. Дорогой Фил, ты затронул наиболее актуальный, важный и глубокий вопрос современности, по крайней мере, современности европейской. В этой проблеме противостояния Запада России столько всего упаковано, причем разнообразного – и этнического, и экономического, и веровательного, что все необходимо рассматривать отдельно, чтобы вывести на свет Божий все основные противоречия, распутать этот клубок. Мы знаем, что «Бог с дьяволом борется в сердце» не только русского человека, но и каждого, кто хочет мыслить себя homo sapiens.

Начнем с веровательного аспекта. Создается впечатление, что время крестовых походов, – именно основанных на вере, – ушло в прошлое. Бывшие наши противники – католики Европы, сейчас фактически с нами заодно. Это я слышал и от католических чинов на конференции по русской философии в Кракове, и от моих коллег – словацких и американских католиков. Это нам известно и по взаимоотношениям двух церквей и их иерархов. Пожалуй, такого взаимопонимания (не догматического, конечно, что и невозможно), никогда не было. Иерархи обеих церквей публично осуждают все виды насилия и войн.

От представителя польского католичества я услышал, что нынешний президент США Обама – сущий дьявол, получивший Нобелевскую премию мира и успевший после этого развязать несколько войн, фактически подготовить и осуществить бандеровский госпереворот на Украине и поддержи-

¹ Зеньковский В.В. Наша эпоха // Зеньковский В.В. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. М.: Русский путь, 2008. С. 407.

вать там братоубийственную гражданскую войну. Что касается словацких католиков, то они знают историю, знают, кто освободил Европу и их страну от фашизма, питают искренние чувства по отношению к нашим православным святыням. Несмотря на всю пропаганду, они адекватно оценивают события на Украине и поддерживают политику России. Аналогичное могу сказать и про немецких коллег. Это, конечно, мои коллеги, изучающие русскую культуру и философию, с молодежью дело обстоит сложнее – история у них во многом уже сконструирована по лекалам европейско-американских СМИ. Наряду с этим идут негативные процессы внутри католичества, которое испытывает огромное влияние от раскрестившегося европейского общества. Но еще сохраняется чистота и глубина веры, что, видимо, и не дает пока Европе окончательно деградировать и распасться. Исходя из сказанного, мне кажется, что не в вере дело. То есть не противостоянием вер определяется антироссийскость Европы, а верой и безверием. И здесь мы с католиками и основными протестантскими конфессиями заодно, по большому счету.

Мы можем найти общий язык с теми, у кого еще не померк образ Христа, – но также как и с теми, кто ориентируется на Конфуция или Лао-Цзы, Будду или Мухаммеда, чья культура имеет в основе многотысячелетние ценности «осевого времени», единые в своем истоке. Но вряд ли нас поймут те, у кого нет ценностей, кроме собственного эгоизма, возведенного в разряд высшей «ценности», кто свободу променял на вседозволенность и аморализм под видом борьбы за «права человека», у кого сама демократия выродилась в тоталитарный либерализм, не допускающий альтернативной точки зрения. Представляешь, дожили до «либерализма», не допускающего никакой альтернативы ни в чем. Тоталитаризму традиционному далеко до такого изощренного «либерального» порабощения человека.

За плечами у нас, людей с «традиционными ценностями», и мировые религии, и классические образцы философствования, и возвышающее и очищающее душу искусство. Не зря все эти духовные основы культуры сейчас подвергаются ликвидации или извращению. Вот здесь, мне кажется, и пролегла линия фронта на самом глубоком уровне. И эта уже битва даже не за отечественную истину веры, идет битва за человека и общество как таковые: сохранимся ли мы как *homo sapiens*, или произойдет деградация в звероподобное состояние, несущее самоубийство моральное, а затем и физическое всему человеческому роду. Россия, как и другие страны «традиционной ориентации», еще как-то стремится противостоять этому развращению и аморализму, лжи и насилию, уже поглотившими Запад. Так оказалось, что культура, в основе которой заложены христианские ценности, выродилась в антихристианскую цивилизацию, несущую миру гибель. Хотя, по сути, здесь не географическое, и даже не культурное, а духовное противостояние... Борьба идет за образ человека: кто он – божественное в основе своей существо или только потомок обезьян, которому все позволено. «Шариковым» ни мораль, ни закон не писаны, основа их мировоззрения и *modus vivendi* – революционная или эгоистическая целесообразность. Из этих «шариковых», правда, считающих себя «креативным» меньшинством, собираются через соцсети проплаченные майданы, осуществляются цветные революции. И здесь любая ложь и насилие – «во благо», а значит – оправданы. И все под лозунгами свободы и демократии – под ними неприкрыто пошли в ход на Украине и откровенные бандеровщина и нацизм.

Фил. Конечно же, я соглашусь, что католики как представители большой религиозной традиции духовно к нам во многом близки, чего, думаю, нельзя сказать о новационном протестантизме, теоретически провозглашающем принцип индивидуализма и личной свободы, а на деле культивирующем эгоцентризм и распыляющем христианскую веру до таких степеней, что она становится неочевидной и даже вырождается в свою противоположность. Однако о сохранении в католицизме чистоты и глубины веры говорить нужно, как представляется, с большой осторожностью. Все-таки почти тысячелетие официального анафематствования восточного христианства (и чуть ли не полтора – идеологических разногласий с ним) – это достаточно большой исторический срок. Даже формально-логически за таким длительным противостоянием сторон одна из них должна скрывать чудовищную неправду, с которой никак не может согласиться другая. Понятно, что причины Схизмы, продолжающейся и сегодня, следует искать не в ритуально-обрядовых нюансах, не в опресноках и не в скамейках посреди церквей, поскольку причины эти – догматические, а догматы – это такая опора конфессий, которые убирать или заменять нельзя, развалится вся сложная конструкция. (Радует сердце, что остается хоть одна область общественной жизнедеятельности, не доступная для поднадоевших реформаторов-инноваторов: ни в дверь, ни в окно они в догматическое богословие не вхожи. Протестанты – совсем иное дело, они догматику не реформировали, хотя Реформация – штамп расхожий, они догматику попросту проигнорировали вместе с Преданием, священством и Папой, и теперь у них каждый пастор или теолог – сам себе догматик). Как убеждены верующие, догматы не придуманы человеком, но и не даны ему в готовом виде. Они заданы.

Потому расхождение сторон в догматических вопросах означает, не больше и не меньше, что одна из них отошла от веры и, я согласен с тобой, можно даже вести речь о противостоянии веры и безверия. Такого жесткого противопоставления, по линии вера-безверие, христианства и конфуцианства, даосизма, буддизма и пр. нет и не может быть, поскольку это разные религиозные традиции, а вот в отношении католицизма и православия, составлявших некогда единую Церковь, оно вполне понятно – кто-то ушел от веры. Вопрос в том, кто же ошибается?

Здесь, на мой взгляд, надежным критерием может служить дух творений Отцов Церкви, единственно возможный для христианства дух. И труды католических теологов, как правило, не выдерживают никакого сравнения с ценнейшим источником этого духа, нет в них жизненных энергий, форма явно превалирует над содержанием, не «цепляют» они за душу. В чем здесь дело? Все очень просто: личностное, сознательное, проводимое с определенной благой земной целью и не причастное соборному мышлению исправление и дополнение догматов ведет от веры к безверию. Именно так, не к другой вере, поскольку «другого» христианства, другого Христа быть не может. «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же», – говорит нам Апостол (Евр. 13:8). Он нас не оставил на попечение викария-наместника, всегда незримо присутствуя в наших душах и совершая для нас Свои Таинства. Но так верят православные, католики же причину тайнодействий видят в своем священстве, возглавляемом наместником Бога на земле. Практическое лукавство «филиокве», о котором поборники объединения конфессий, плохо осведомленные об их вероисповедных началах, говорят как о чем-то несущественном, как мне представляется, состоит в том, что позволяет «достроить» лестницу в небо не духовными усилиями, а чисто формальными ступенями: Господь низводит Святого Духа на своего викария, почему бы теперь последнему не осенять благодатью клир и паству, будучи на кафедре глашатаем этого Духа? Почему бы не передавать навыки тайнодействий (жречества) назначаемому священству? Почему бы не конвертировать Дух в индульгенции? Выстраивается простая и понятная, очень рациональная служебная иерархия от земли и до самого Неба... Но это уже, увы, не христианство, «путь и истина и жизнь» здесь контролируются католической Церковью, не расслышавшей окончания этой фразы – о том, что «никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Иоанн. 14:6). И протестантизм явился вполне оправданной реакцией на захватнически-властные устремления Рима, да вот только и он исказил религиозную правду, в индивидуалистическом угаре отрицая Церковь – и мистическую, и физическую – и делая понимание Христа сугубо личностным достоянием, тем самым заменяя одну неправду другой.

Соф. Да, безусловно, есть противоречия и с католиками, и другими конфессиями и религиями, но это не уничтожает общих основ трансцендентной веры и основанной на ней морали (хотя и происходят всякие искажения – враг рода человеческого и внутри церквей не дремлет). Есть противоречия экономического характера – ограниченность ресурсов, их неизбежное удорожание, дефицит и т.д. Все это выливается в фундаментальные геополитические противоречия, ведущие к развязыванию войн и осуществлению всевозможных цветных революций. Об этом много сказано, написано, это достаточно хорошо изучено, и мы эти процессы сейчас явно наблюдаем. Здесь нет проблем для философского анализа, так как все это очевидно – это предмет анализа экономистов, политологов, социологов и т.д.

Глубинное противоречие находится на ценностном уровне, что уже является предметом философии. Вера мировых религий здесь оказывается на передней, как и последней линии обороны. Страдает и искусство, выражая уже не красоту, а безобразие. Разрушается, таким образом, духовный архетип человечества в виде триединства Истины, Добра и Красоты, объединяемых Любовью, деформируется соответственно и сущность человека. Обрати внимание, – с приходом любого вида тоталитаризма, «классически» тоталитарного или современного, «либерального», что прежде всего уничтожается? Философия, религия и свободное, возвышающее и очищающее искусство. Как минимум, их пытаются подчинить, заставить работать на себя, но само существо этих видов духовного делания человека не может быть лишено свободы, но может быть уничтожено. Философия, вера и искусство – или есть, или их нет. Хотя философия может вырождаться в оправдывающую насилие идеологию, веру в идолопоклонство, магию и обрядоверие, а искусство – в популяризацию греха. Что и происходит.

Философия уже фактически уничтожена в англо-американской и западноевропейской культуре. Современные пост-позитивисты и постмодернисты от философии заняты играми в интеллектуальный бисер, отбивая у студентов всякий вкус к философии как поиску универсальной истины и теории, обосновывающей мораль.

Посмотри на Украину, на территории которой борьба за веру давно перешла в фазу прямого насилия, прямого вооруженного конфликта. Там на юго-востоке прямой наводкой и особенно по великим праздникам обстреливаются православные храмы, на остальной территории преследуются

православные священники, общины, отбираются храмы. Придумана никем не признанная национальная (националистическая) псевдо-православная церковь «киевского патриархата». У власти находятся сектанты от извратившегося протестантизма, развивается неоязычество. Все не националистическое фактически находится под запретом, а именно – философия, искусство, альтернативные СМИ. То есть все то, что по своему существу не национализируемо, что носит универсальный, общечеловеческий и гуманистический характер.

Фил. Вот в истоках всех этих безобразий и хочется разобраться. Поводов для них можно привести тьму, а вот метафизическая причина одна – бегство человечества от Бога. Однако это бегство – не спонтанно-хаотичное, оно тщательно спланировано и постоянно корректируется. «Нормальный» современный интеллектual, конечно, посмеется над разговорами о незримой многотысячелетней духовной войне, ведущейся и на небесах, и на земле – ему, умнику, духовный опыт сотен поколений не указ, он в университетах обучен другой «вере» (а точнее – суеверию, ибо чаще всего несколько псевдо-вер непонятным образом совмещается в его голове, но самая главная для него вера – в собственную безгрешность, то есть, в свете христианских понятий, – полное отсутствие смиренномудрия).

Средневековая католическая Европа ясно представляла своего главного врага в лице восточного христианства и всеми силами пыталась если не обратить его «в истинную веру», так уничтожить. Секуляризация, казалось бы, притушила подобного рода амбиции, и даже вытеснила их на периферию общественной жизни. Однако произошло это только внешне и формально; содержательно католические идеи трансформировались в многочисленные социальные утопии о построении земного рая, популярные в Новое время и предопределившие дальнейшие судьбы и Европы, и мира. Может, я несколько и преувеличиваю, но европоцентризм возник не вчера и не в прошлом веке. Именно католические претензии на обладание совершенной истиной сделали европейское мышление несамостоятельным и лишенным уважения к чужому мнению, к другой вере. Этот вирус был подхвачен и протестантизмом, дополнившим прежние утопии идеалами светлого капиталистического будущего. И здесь, как мне кажется, следует искать тот скрытый нерв, не позволяющий слиться русскости и европейскости, постоянно возбуждающий противоречия между ними. Это – различное понимание Европой и Россией своего предназначения, своего метафизического задания. С одной стороны, мы видим снобизм, веру в обладание истиной в последней инстанции, непрекращающиеся попытки учительствовать и руководить другими народами (правда, функцию наставника человечества Европа сегодня явно теряет, переуступив ее, как Исава за чечевичную похлебку, своим заокеанским друзьям и покровителям, в религиозном аспекте – преемникам), с другой, – неуверенность, сопровождающаяся колебаниями политических, экономических, религиозных курсов, умение учиться (к сожалению, как правило, на собственных ошибках), устремленность к высшей правде (что уже само по себе означает, что в данный момент устремляющийся ею в полной мере не обладает). Что лучше? Безусловно, мучительные поиски симпатизируют гораздо больше, чем самоуверенный снобизм.

Соф. Фил, относительно католичества ты, безусловно, в чем-то прав, а в чем-то, мне кажется, нет. Однако этот вопрос, больше сугубо богословского характера (требующий пристального анализа, а не голословного осуждения), не является сейчас столь актуальным. Католичество отнюдь не обладает уже той силой, чтобы продуцировать конфликты, да и не заинтересовано в этом. Кроме того, за последние два столетия оно проделало большой путь, в том числе навстречу православию, в лице своих иерархов принеся извинения и за крестовые походы, и за казни еретиков. А кто без греха – пусть бросит камень. Нужно не только разделяться, выискивая соринки в глазах друг друга, но и объединяться перед лицом общих угроз. И эти угрозы сейчас очевидны и сильны как никогда. Такое впечатление, что мы находимся на рубеже конца света. В этой связи вспоминается «Повесть об антихристе» Вл. Соловьева (предсмертное сочинение, в котором он отказался от предшествовавшего утопизма и обратился к эсхатологическому видению истории), когда православные, католики и протестанты, их небольшие, но верные общины объединяются верой во Христа перед лицом антихриста¹. Да, у нас – православных, католиков и протестантов – есть различия принципиального свойства, но есть и Он – Христос, вера в которого всех объединяет. Для всех христианских конфессий (не сект) Христос – это Богочеловек.

Более того, как я тебе уже пытался сказать, мы едины и с конфуцианцами, и с буддистами, и с мусульманами, и с первыми мудрецами и философами – со всеми, кто находится в орбите «осевого времени», о котором говорил Карл Ясперс. Не в этом суть, а в том открытии, которое было совершено в

¹ Соловьев Вл. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Сочинения в 2 т. 2-е изд. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 736–762.

период с VIII по II вв. до н.э. Это прорыв в сферу трансцендентного бытия, как это событие определяют П.П. Гайденок и А.В. Семушкин¹. Что это означает? Приход на смену язычеству веры в трансцендентный благой Абсолют. Эта вера объединяет и философию, и все мировые религии. Вся древнегреческая мысль искала неведомого Бога, и наконец средиземноморское человечество обрело его в Христе, соединив греческий *логос* и библейский *теос* на основе новозаветной благой вести. Схожие процессы шли в осевых культурах Древнего Китая и Индии. В буддизме нет теизма, но понятие нирваны тоже носит трансцендентный характер.

Именно эта вера в благой трансцендентный Абсолют есть то единое, что на метафизическом уровне объединяет все культуры и порождает универсальную мораль, в отличие от разнообразных нравов и обычаев. Благодаря этому событию рождается и личность, возникают самостоятельные наука и искусство. В итоге – возникает современная цивилизация. Но что происходит сегодня? Отказ от этих самых осевых ценностей, от того, что лежит в основе. И происходит это именно на Западе, он выступает авангардом этих процессов. И отсюда столкновение. Нет, не цивилизаций (С. Хантингтон), а цивилизованности, культурности, духовности Запада и Востока с вновь прорвавшимся варварством, язычеством, с его человеческими жертвоприношениями в виде классовых, расовых, нацистских, эгоистическо-геополитических и иных античеловеческих идеологий. То, что христианство ранее сдерживало, вдруг вырвалось вновь, – современный западный человек вновь повторяет первородный грех, возвращается к нему.

Мне кажется, что у американской элиты, идущей в фарватере этого процесса, просто дефицит культуры. Двести лет – это все же так мало для обретения духовности. То, что они взяли от старушки-Европы, за эти два столетия было растрчено, и обнажился варвар-людоед, хотя и при костюме с галстуком: и ядерное оружие можно использовать, и бандеровские госперевороты, как и бомбардировки, ради «демократии» оправданы, и пытки уже реабилитированы. Даже деградирующая Европа с ее однополыми браками в ужасе от такого. И у этого дикаря ядерная дубина в руках, мощные армия и флот, долларовая удавка, наброшенная на весь мир. Но есть и в США силы, противостоящие новому варварству – это как раз американские католики, являющиеся последовательными критиками всех войн и насилия. Знаю это точно по личному общению.

В свете сказанного твоя идеологическая установка относительно поисков истинной веры и объявления всех остальных еретиками сейчас контрпродуктивна. Именно перед угрозой нового варварства всем нужно объединиться тем, кто хочет сохранить в себе человека, кто бы он ни был по религии и вероисповеданию, а также светским гуманистам, ибо мы в одной лодке разума и морали, которая уже протекает, и сильная волна может ее захлестнуть... У нас, людей веры (мировых религий) и разума (классических образцов философствования в поисках истины), есть только один противник – зло разрушения, ненависти, насилия. В религии все это олицетворяется образом «врага рода человеческого», который, используя различные человеконенавистнические идеологии, стремится действовать путем «разделяй и властвуй», порождая как межличностные конфликты, так и войны, распаляя ненависть между людьми. Пока мы разобщены – мы слабы, если мы вместе – Бог нас не оставит, даже тех, кто в Него не верит, но поступает добродетельно. Сейчас, как перед концом света, происходит поляризация сил. Миллионы людей под воздействием СМИ оказались одержимы человеконенавистническими идеологиями, пребывают в поиске врагов – или уже нашли их в лице тех, кто мыслит иначе. Думаю, что мы, те, кто за мир, за ненасилие, за человеческое достоинство, должны объединиться и дать бой, прежде всего идейный. Иначе что, какое наследие мы оставим нашим детям? Не посрамим ли мы тысячелетние поколения, хранившие и реализовавшие Истину для нас? Мы должны передать ее нашим потомкам.

Конечно, надо всячески крепить обороноспособность страны, ибо злоба и ненависть, распаляясь, готовы перейти ото лжи и клеветы к вооруженному насилию и агрессии. Но наша задача, воинов интеллектуального фронта, состоит в том, чтобы вскрывать ложь, обличать насилие, защищать право человека на жизнь (уже и это приходится доказывать), на самозащиту, на достоинство. Необходимо разоблачать античеловеческие идеологии. Ведь в начале было слово! Надо уметь общаться даже с теми, кто считает нас врагами. У нас нет врагов среди людей, но мы боремся с силами зла, разрушения, лжи, захватившими сознание многих людей. Это надо различать и смело идти в бой, так как правда за нами. Нам нечего скрывать, ибо наши помыслы чисты, поэтому нам не нужна ложь. Ведь

¹ Гайденок П.П. Человек и история в экзистенциальной философии К. Ясперса // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 5–26; Она же. Человек и история в свете «философских коммуникаций» Карла Ясперса // Человек и его бытие как проблема современной философии. М.: Наука, 1978. С. 97–134; Семушкин А.В. «Осевое время» как условие и предпосылка генезиса философии на Западе и Востоке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2006. № 2. С. 40–49; Он же. «Осевое время» в философской культуре Востока и Запада. М.: РУДН, 1997.

не зря запрещаются российские СМИ, а наши деятели политики, искусства и бизнеса подпали под санкции. А мы не боимся общения. Я бы вообще отменил визы для отъявленных русофобов типа Маккейна, для тех представителей политической элиты Украины, на которых нет крови, пригласил бы в Москву или для общения в российскую аудиторию. Пусть расскажут нам, как они ненавидят нас и за что. А мы бы рассказали им, как уважаем американский и украинские народы и как осуждаем насильственную политику их государств. Борьба за веру поэтому идет не между Европой и Россией, не между Россией и США, а, по большому счету, между добром и злом. Хотя в 2014 г. произошла и поляризация по государственному и географическому принципу, даже внутри семей, о чем сказано еще в Евангелии. Что и происходит, когда приближаются последние дни... Каждый должен решить с кем он, какие поступки он совершает. Вспомнить о личной ответственности перед лицом естественного права человека на жизнь и достоинство, перед лицом Вечности.

Фил. Это ты хорошо сформулировал: «Борьба за веру поэтому идет не между Европой и Россией, не между Россией и США, а между добром и злом». А так всегда и было. Человек, памятуя о своем очень далеком райском прошлом, пытался идти к добру, для начала поняв, что это такое. Попыток приблизиться было много, и, наверное, можно говорить и об «осевом времени», но не как об историческом событии, поворотном факте в жизни человечества, а как именно о стремлении к познанию истины человеческими силами. Однако принципиальная греховность человека позволила ему только ощутить прикосновение этой истины, достичь предчувствия трансцендентного. Иначе как объяснить необходимость Божественного кенозиса, необходимость Его воплощения в нашем мире? Истина сама пришла к нам, и вот тут-то и нужно рисовать точку отсчета для наших рассуждений. Не варварство прорвалось к нам, как ты говоришь, о нем все уже давно и хорошо успели забыть, о чем свидетельствуют потуги неоязычников реанимировать веру предков, больше похожие на фантазерство людей малообразованных. Человеческая греховность, постоянный источник язычества, т.е. низовых человеческих верований, если хочешь, верований разумных, вылезла на всеобщее обозрение. Язычество ведь от нас никуда и не уходило, оно всегда в нас и при любом удобном случае появляется из глубин человеческого «Я». А удобный случай представился как раз в результате бегства от Бога. И чем больше и дальше мы бежим, тем больше возможностей у такого «внутреннего язычника».

Поэтому моя идеологическая установка не относится к поискам истинной веры, как ты говоришь, и не требует объявления еретиками всех несогласных с православным вероисповеданием. Такая интенция свойственна скорее католицизму, тем паче протестантизму. Моя установка исходит из того, действительно исторического, факта, что человечество уже обрело истину своей веры, но оказалось неспособно к ее сохранению. И чисто в исследовательском плане важно выделить этапы деградации нашей прежде общей веры. Католичество и протестантизм, его логический преемник, интересуют меня больше именно как исторические этапы, перенаправившие человечество в пропасть, поставившие его на службу злу. Ты прав, сегодня они не обладают прежней конфликтогенной силой, да и нельзя не согласиться, что и раньше, и сейчас живет огромное множество добропорядочных католиков и протестантов, а также атеистов, конфуцианцев, буддистов и пр. Есть даже язычники добропорядочные с виду, я знаком с такими.

Историческая вина католицизма, а затем протестантизма – в том, что они способствовали совершению «люциферианского поворота» в сознании европейского человечества, утверждению в его мировоззрении принципа антропоцентризма, укреплению религии человекобожества. В этом смысле Реформация и Ренессанс – близнецы-братья, которым расчистил путь католицизм. Но эту вину нельзя, конечно, вваливать на современных католиков и протестантов, поскольку все мы, и православные тоже, стали ей причастны, весело побежав к своему светлому будущему, на деле все более отдаляясь от Бога. Мы перестали ждать Христа каждый отпущенный нам день и принялись благоустраивать жизнь своими руками, полностью забыв об эсхатологической перспективе, неотрывной от нашей веры.

Ты вспомнил о Вл. Соловьеве. Замечательный философ, провидец, многие его мысли еще до конца не осознаны нами. Почему-то специалисты по русской философии предпочитают обращаться к его творчеству по построению системы, от которого, судя по упомянутой тобой работе, он сам и отказался, при этом мало обращают внимание на множество его мистических прозрений, соответствующих православному духу, в том числе и эсхатологических. Так вот, по поводу нашего разговора мне вспомнилась интерпретация мыслителем европейской истории в аспекте развития христианских конфессий. Вл.С. Соловьев говорил об определяющем значении для истории человечества повествования об искушениях Иисуса Христа дьяволом в пустыне, куда он был возведен Духом. Как известно, в качестве первого искушения дьявол предлагает материальное благо сделать целью, а божественную силу – средством (превратить камни в хлеба), но получает от Христа отказ, обосновывающийся ссылкой на

известное участникам новозаветного диалога изречение из Ветхого Завета, утверждающее, что Слово Божье есть источник истинной человеческой жизни, но никак не орудие жизни материальной. Второе искушение состоит в предложении Христу использовать божественную силу для самоутверждения человеческой личности (броситься с крыла храма), и своим ответом Сын Божий побеждает грех ума – гордость, так как предлагаемое действие было бы гордым вызовом человека Богу. Третье искушение (предложение дьявола отдать все царства мира за поклонение ему) – самое сильное, искушение преодолевшей рабство плоти и рабство гордости человеческой воли возвыситься над остальной тварью с целью вести весь мир к совершенству. Но мир, который лежит во зле, не покорится добровольно, значит, следует насильно вести его к добру, принуждая к покорности. Однако употребление насилия в деле добра есть уже зло и поклонение дьяволу. Христос отверг всякое соглашение с началом зла, свободно подчинив себя истинному благу. После этого дьявол оставил Христа, а Ангелы приступили к нему и стали служить. Эти три искушения – *чувственной души, ума и духа Христа* – экстраполируются Вл. Соловьевым на всю историю христианской Церкви, обуславливающую и завершающую историю человечества вообще. Правда, философ делает оговорку: искушение общества злом происходит в порядке, отличном от последовательности искушений Христа, описанных в Евангелии. Так как человечество уже обладает истиной во Христе как действительным фактом, то первое его искушение состоит в злоупотреблении этой истиной, в стремлении движения к добру посредством зла (*грех духа*):

«А именно: историческое появление христианства разделило все человечество на две части: на христианскую церковь, обладающую Божественною истиною и представляющую собой волю Божию на земле, – и на остающийся вне христианства, не знающий истинного Бога и во зле лежащий мир; и вот внешние христиане, верующие в Христову истину, но не возрожденные ею, могут почувствовать потребность и даже принять за свою обязанность покорить Христу и Его церкви весь этот вне лежащий и враждебный мир, а так как во зле лежащий мир добровольно не покорится сынам Божиим, то покорить его и насильно. Этому искушению религиозного властолюбия подпала часть Церкви, предводимая римскою иерархией...»¹.

Ложность католического пути в самой своей основе, по мысли философа, закономерно осознается в «протестантстве», уяснившем не только необходимость внешнего факта спасения, но и требование личного спасения, осуществляющегося без внешнецерковного опосредования. Но протестантизм впадает в другую крайность: требование правильного личного понимания Писания логически неизбежно приводит к естественному переходу в рационализм. Самоутверждение же человеческого разума есть не что иное, как *гордость ума*, подпадание западного человечества, исповедующего протестантизм, второму искушению:

«В практической области разум оказался бессильным против страстей и интересов, и возведенное французской революцией царство разума окончилось диким хаосом безумия и насилия; в области теоретической разум оказался бессильным против эмпирического факта, и притязание создать универсальную науку на началах чистого разума разрешилось построением системы пустых отвлеченных понятий»².

Разум, не сумевший совладать с низшими человеческими интересами в жизни и знании, оказался бессильным перед материальным началом, что соответствует третьему искушению человечества – *искушению чувственной души*. По мнению Вл. Соловьева, Восток (а именно, православное христианство) не подпал трем искушениям, сохранил истину Христа, но лишь потенциально, поскольку не осуществил ее во внешней действительности. И вот теперь я хочу поставить вопрос очень остро: а сохранился ли сегодня этот потенциал в нашем народе? Иными словами – есть ли нам за что с Европой бороться? И чем? (имею в виду, конечно, не автоматы Калашникова).

Европа, конечно, как отмечалось, самоуверена, она даже не желает (возможно, и не способна) усомниться в правильности своих действий – политических, экономических, культурологических. Какое уж тут раскаяние? Ведь истина у нее в кармане. У нас – не так, мы часто в себе не уверены, оглядываясь на «цивилизованные» народы, шарахаемся из стороны в сторону – то без боя сдаем СССР, то Крым отвоевываем, то уничтожаем собственные культуру, экономику, образование под диктовку западных учителей, то в патриотическом угаре вновь мечтаем о «железном занавесе». Что завтра будет? Вряд ли какой аналитик предсказать возьмется, тут пророк нужен, однако времена пророков прошли – уже свершилось, уже Бог воплотился и навсегда с нами, зачем же пророки? Потому-то на божествен-

¹ Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. М.: АСТ, 2004. С. 238–239.

² Там же. С. 241–242.

ное чудо нам и следует уповать, других причин для оптимизма не вижу. Но, быть может, в том и наша сила – в уповании на Бога, в Его ожидании, в эсхатологической устремленности к высшей правде?

Европа споткнулась на проблеме «камня и хлеба», об этом еще Ф.М. Достоевский писал. Безбожный социализм, детище католическо-протестантского мировидения и прямое следствие «люциферианского поворота» нашей истории, привел нас к ужасам тоталитаризма, избавиться от которых мы самостоятельно, наверное, не сможем. Но зачем же самостоятельно? Разве Христос от нас уходил? Разве оставил своего наместника пасти нас, глупых? Нет, нужно только вспомнить, что Христос с нами, что он любит нас, нужно и его тоже полюбить, но не как идола, а как живого Богочеловека, такая трансценденция вполне доступна каждому. Тогда и появится повод для оптимизма. Мне кажется, именно это и имел в виду Федор Михайлович, когда записывал для нас свои последние мысли. Завещанием мыслителя стали проникновенные строки «Дневника писателя», корректируемые им за день до окончательного ухода в «миры иные», которых ранее только прозорливо «касался». Понимая, что может подвергнуться осмеянию, он все же произносит свое *последнее слово* в *главном* для человечества споре, ведущемся между безбожным социализмом и христианством, между идеей внешнего переустройства жизни, превращения камней в хлебы, и идеей внутреннего преображения человека, который не хлебом единым жив: социализм и христианство должны соединиться в идее *русского социализма*:

«Вся глубокая ошибка социалистов в том, что они не признают в русском народе церкви. Я не про здания церковные теперь говорю и не про причты, я про наш русский социализм теперь говорю... Я говорю про неустанную жажду в народе русском всегда в нем присущую, великого, всеобщего, всенародного, всебратского единения... Я желал бы только, чтоб поняли беспристрастно, что я лишь за народ свой стою прежде всего, в его душу, в его великие силы, которых еще никто из нас не знает во всем объеме и величии их, как в святыню верую... И жажду лишь одного: да узрят их все. Только что узрят, тотчас же начнут понимать и все остальное. И почему бы все это мечта?...»¹.

Что же необходимо русскому народу для того, чтобы реализовать свой потенциал в социально-историческом процессе, и почему он не свершил этого ранее? Ответ на этот вопрос мы снова находим у Ф.М. Достоевского:

«Как же так? Неужто русский мужик бездельничал? Нет, конечно. Трудился, как всегда, до седьмого пота. Но *Дела* действительно не было. Чтоб по плечу, большого, *общего* дела... Только вот в Отечественную и почувствовал – пришел час, больше некому. Ну и показал, на что способен. <...> Да, лик мира сего требует обновления, возрождения. Главное – сохранить бы народную нравственность, культуру, идеалы народные; разгадать бы тайну народного безмолвия. Помочь бы народу стать личностью – вот задача, а для этого нужна идея общего дела, которая объединила бы всех в единое целое, в нацию, ибо народ, ставший нацией, – духовно взрослый народ; нация – не что иное, как народная личность... Не цивилизацией расцветает народ, но идеей – тогда и цивилизация в пользу пойдет»².

Однако русский народ, как это ясно осознавал мыслитель, духовно болен, – но, верил Достоевский, невзирая на свою «жестокую болезнь», все же сохранил в здравии главную и мощную «сердцевину души» – *жажду правды*, остающуюся неутоленной. Какое же великое общее дело может излечить русский народ, дать ему возможность осуществить свое метафизическое задание и отыскать пути к правде? Нет, не заморские идеи общественного переустройства, хотя у социалистических теорий и есть свои резоны, тем более не лживые посулы капитализма – соблазн народа развратом буржуазности представлялся Ф.М. Достоевскому необходимым условием преклонения перед апокалипсическим зверем. Дело наше должно быть православным, по большому счету, другого у нас никогда и не было.

То, что происходит сегодня – снятие карнавальных масок, подъем патриотизма – это, как представляется, очень хорошо, это – начало нашего пути, который есть запоздалое возвращение блудных сыновей к любящему Отцу. Но сможем ли? Хватит ли сил? Есть опасения, что волна всеобщего патриотизма спадет перед неминуемым ухудшением экономической ситуации, и тогда уже полный штиль ознаменует успокоение русской души, возможно, успокоение даже в сытости, хотя вряд ли.

Мне, конечно, Соф, глубоко симпатизируют твои мысли о необходимости объединения людей разных вероисповеданий во имя добра. Но не слишком ли силен враг и не потеряли ли мы свои духовные силы? Очень различны наши веры, и нас легко разобщить постмодернистской ризоме, доказавшей уже не только то, что Бога нет, но и что нет добра, нет любви, есть лишь наши страсти, сиюминутные желания. Есть ли нам вокруг чего объединяться, не распылили ли нас уже? Причастны

¹ Селезнев Ю.И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1981. С. 535–536.

² Там же. С. 330.

твои слова Логосу, действенны ли они? А мои? Есть и подозрения, что момент нами упущен, слишком долго мы позволяли силам зла глумиться над нами. Есть еще, конечно, герои, остались подвижники, не способные мириться со сложившимся положением дел, чаще на интуитивном уровне, чем осознанно. Но не добивают ли их сейчас в Новороссии? Сохранены ли нами живые силы православного мышления? Сколько среди нас православных? Много, по разным системам подсчета, – 60–80%, но вот регулярно исповедующихся и причащающихся, то есть воцерковленных (в различной, конечно, степени), уже 3–5%¹. Но ведь враг силен, его культура – массовая. Очень долго мы не помнили православных идеалов и поклонялись идолам. Почти сто лет. Вначале верили в недалекое и светлое коммунистическое будущее, с 90-х гг. – в тоже недалекое и тоже светлое капиталистическое. И это помогало преодолевать трудности. Теперь и в том, и в другом будущем разочаровались, а трудности снова реальны. Осталась ли память о прежних идеалах, не забыли ли? Ведь для того, чтобы одолеть «супостата», хотя бы временно (поскольку Апокалипсиса никто не отменял), нужен массовый порыв, нужно, чтобы идеи, так сказать, овладели массами нашими. Чтобы прислушались они к своим святым и героям, чтобы повторили их подвиги.

Соф. Фил, какой у тебя эмоциональный подъем и сколько разных слов и пространственных цитат. И хочется врага определить четко и точно (католицизм, протестантизм, Запад), и истину, и веру обрести в свои силы и все такое прочее хорошее. Все сразу хочется и навсегда – ну как всегда это происходит у русского интеллигента, пусть даже уверовавшего. И свои интеллигентские потуги еще и оправдать этими самыми поисками якобы истины, интеллектуальными и моральными мучениями. Но истинная духовная сила не в потоке слов и вопросов, – она в тиши, скромности и трезвении творится...

Ты утверждаешь, что «мы перестали ждать Христа каждый отпущенный нам день и принялись благоуустраивать жизнь своими руками». А почему ты разводишь эти два понятия? Может, Христос и заповедал нам, чтобы мы жизнь нашу благоуустраивали своими руками?! Хочется, конечно, это на Бога переложить, но это уже будет как раз что-то от магизма языческого. Или еще хуже – от извращенного эсхатологизма – этой оборотной стороны хилиазма. Христианство антиномично, и нельзя впадать в крайности, а набираться мужества идти царским, срединным путем, который только духовная вера постичь может, запечатленная в Писании и предании святых отцов. Именно мы и должны все делать, и никто кроме нас! Но не царство божие строить, конечно, не утопии реализовывать, а хотя бы сделать так, чтобы дети не голодали и людей не убивали и не унижали человеческое достоинство.

Про «мистические прозрения» Соловьева, на которые «специалисты внимания не обращают», скажу что, к сожалению или к печали, обращают. Но там, где начинается «мистическое», там заканчивается и философия, и вера. Именно здесь исток заблуждений Соловьева, в его мистицизме, т.е. в его извращенной духовности, возможно прелести, с которой, хочется надеяться, он боролся всю жизнь, – это был его крест, возможно. Может быть, он в конце жизни исцелился (как и Лев Толстой), запечатлев это в «Трех разговорах». Но об этом только Богу известно.

И вот еще что. Соловьев, как и Чаадаев, видимо, разным адресатам мог писать разные мысли, иногда – противоположного содержания. Так, в «Чтениях о богочеловечестве» (1878) он для русского читателя заявляет одно, а вот в «Русской идее», писанной на французском и для западного читателя, – другое, и прямо противоположное. В России, в переводе на русский, она вышла лишь в 1909, являясь предисловием к его большой книге «Россия и вселенская церковь» (Париж, 1889). Начинает он свое вступление с пафосного высказывания: «...идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, а то, что Бог думает о ней в вечности». Далее он излагает то, что, видимо, подслушал у Бога. Смысл существования наций для Соловьева не лежит в них самих, но в человечестве. Россия же, по его мнению, «одержима слепым национализмом и необузданным обскурантизмом». И если официальное управление русской церкви и ее богословская школа не являют собой живой части истинной вселенской церкви, то католический первосвященник, этот «общий Отец всех народов», должен возглавить церковь во всемирном масштабе, подчинив себе православие. В итоге Соловьев предлагает «для начала принести в жертву наш национальный эгоизм» на алтарь этой вселенской церкви. Он выступает за отмену «национального священства» и утверждение «интернационального», которое должно служить от лица «общего отечества». При этом «Христианская Россия, подражая самому Христу, должна подчинить власть государства (царственную власть Сына) авторитету Вселенской Церкви (священству Отца) и отвести подобающее место общественной свободе (действию

¹ Рязанцев И., Веселкина Т. Социальный портрет «молчаливого большинства России» [Электронный ресурс] // Православие.Ру. 2014. 10 апреля. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/69702.html>. См. также: Лебедев В.В. Выступление на конференции «Вызовы времени и пути развития церковной жизни» 21.06.2006 [Электронный ресурс] // Патриарший центр духовного развития детей и молодежи. Режим доступа: <http://www.synergia.itn.ru/project/21-06-06/14.htm>.

Духа)». Русскую Империю он рассматривает как угрозу мира и рассадник войн, подчинившись же власти «вселенской церкви» она будет нести мир всем народам. Так Соловьев мыслит «Русскую идею», которая не имеет уже ничего особенного, ничего собственно русского, а представляет лишь один из аспектов христианской идеи¹. Думаю, что эти идеи как раз исповедует тот либеральный «креатив», для которого нет понятия родины и ее суверенитета. Не зря Соловьев пользуется таким авторитетом у философствующей интеллигенции, которая вычитывает, правда, лишь то, что хочет. Так что наследие у нас есть разное, и главный враг не за океаном, а внутри нашего общества. Враг этот – конечно, не «враги народа» в духе 1937 г. и не собственно интеллигенция, но ложные антинациональные идеи, которыми захвачена огромная ее часть. Внесли вклад в «сокровищницу» этих идей и многие русские мыслители, позиция которых отнюдь не была однозначной. Со всем этим надо разбираться, отделяя пшеницу от плевел, и не заниматься слепой апологетикой.

Во второй половине 80-х – первой половине 90-х гг. XIX в. Вл. Соловьев вел активную полемику с представителями позднего славянофильства – И.С. Аксаковым, Н.Н. Страховым, П.Е. Астафьевым, Л.А. Тихомировым и др., не разделявшими его теократических взглядов². «Младшие» славянофилы отвергали идею «христианской общечеловечности» Вл. Соловьева из-за чрезмерного возвышения понятия «единого человечества» в ущерб отдельным нациям. Соловьев же рассматривал все национальное как эгоистическое, языческое, разделяющее людей и противное подлинному христианству.

Так, И.С. Аксаков, поначалу позитивно относившийся к Соловьеву, не принял его идей, потому что не считал исторической задачей христианства установление совершенного общественного строя. Ему претила откровенная симпатия Соловьева к католицизму и папству и резкая критика им православия. Возмущали Аксакова и заявления Соловьева, что России следует отречься от своей «религиозной исключительности» ради воссоединения церквей. Аксаков твердо стоял за национальную самобытность русского народа, католицизм считал ересью, а папство – антихристианской духовной тиранией. В призывах Вл. Соловьева к национальному самоотречению Аксаков видел попытку выдать традиционное интеллигентское западничество и пренебрежение к России за проявление высокой нравственности, которой якобы тесны рамки «национальной ограниченности». И если воссоединение церквей, ради которого Россия якобы должна отречься от своей «религиозной исключительности», действительно необходимо всему христианскому миру, то почему же, вопрошал Аксаков, Соловьев не требует такого же отречения от церкви Западной? Ведь она гораздо глубже, чем православный Восток, погрязла в «религиозной исключительности», считая себя единственной истинной церковью, а воссоединение с Востоком представляется ей только в виде его полного подчинения себе. Соловьев, однако, не замечает этого. Ни об одном европейском народе, утверждал Аксаков, нельзя сказать, что христианские нравственные начала в его жизни «достаточно действенны», и дело здесь не столько в разделении церквей, сколько в высоте христианского духовно-нравственного идеала³.

Н.Н. Страхов, хотя и был долгое время другом Вл. Соловьева, считал его религиозно-философские идеи сомнительными. После критической статьи Вл. Соловьева о книге Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» Страхов, будучи другом к тому времени уже покойного Данилевского и сторонником его теории культурно-исторических типов, выступил против Соловьева и, в свою очередь, подверг критике его идею человечества как единого организма. Если человечество, пишет Страхов, и в самом деле единый организм, то где в этом организме важнейший орган – голова, где его главные и служебные органы? Соловьев, поглощенный мечтами об отвлеченном единстве, это не определяет. Страхов же, вслед за Данилевским, развивал идею равноправного единства человечества перед лицом Бога, которую считал подлинно христианской.

П.Е. Астафьев, в свою очередь, стремился фундаментально обосновать уваровскую формулу «Православие, самодержавие, народность», отстаивал идеи патриотизма, противопоставляя их космополитизму Вл. Соловьева. С его точки зрения русский народ лучше всего послужит общечеловеческим задачам, оставаясь верен своему духу и характеру («Национальное и самосознание и общечеловеческие задачи», 1890). Он не принимал идеи Вл. Соловьева прежде всего потому, что видел в них яркое выражение «теории прогресса», религиозного утилитаризма, стремления ограничить религиозную задачу исключительно земными делами. В результате, считал он, Соловьев, боровшийся против позитивизма, сам пришел к своего рода позитивизму на почве теократии, поэтому концепцию объединения церквей Астафьев категорически отрицал. Подобные представления, полагал он, имеют вовсе не русское, а

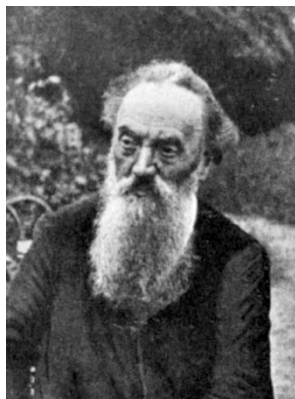
¹ Соловьев В.С. Русская идея // Россия и вселенская церковь. Мн.: Харвест, 1999. С. 165–206.

² См. об этом: Атякшев М.В. Идея христианской общечеловечности в позднем славянофильстве: И.С. Аксаков, Н.Н. Страхов, П.Е. Астафьев, Л.А. Тихомиров. Автореф. дисс. ... к. филос. н. М., 2013.

³ Аксаков И.С. Против национального самоотречения и пантеистических тенденций, выразившихся в статьях В.С. Соловьева // Аксаков И.С. Сочинения в 7 т. Т. 4. М., 1887. С. 229–230, 245–249, 250–256.

Владимир Сергеевич Соловьев
(1853 – 1900). Портрет ра-
боты Н. Ярошенко

Николай Николаевич Страхов
(1828–1896), философ, пуб-
лицист, литературный
критик, член-корреспондент
Петербургской АН

Петр Евгеньевич Астафьев
(1846–1893), философ, пси-
холог, публицист

Лев Александрович Тихомиров
(1852–1923), общественный
деятель, литератор, религи-
озный мыслитель

западноевропейское происхождение, и христианский идеал в них смешан с римским идеалом всемирной империи. Сама идея общественного блага как высшей ценности, писал Астафьев, есть идея языческая, греко-римская, а не христианская. Он подчеркивал, что предметом искренней, а не головной любви может быть только личность, а не что-либо безличное. Общественное благо – безлично и абстрактно, и потому даже самое искреннее и самоотверженное служение ему не может иметь такого же глубокого нравственного значения, как любовь к Богу¹.

Л.А. Тихомиров критиковал Соловьева главным образом за несоответствие его идей православию, полагая, что тот в своих теократических построениях плохо различает природу государства и церкви, хочет придать последней, помимо присущей ей духовной силе, еще и материальную, сделать ее государством в государстве. Опыт папства, отмечал Тихомиров, показывает, что это отнюдь не способствует благу церкви. В действительности же, считал Тихомиров, организм, общество и церковь – принципиально разные уровни организации жизни, хотя в них и действуют схожие законы кооперации. Поэтому никакое «оцерковление» общества, о котором говорил Соловьев, невозможно и не нужно. Церковь «не от мира сего», в связи с чем ее невозможно всецело вписать в рамки общества. Тихомиров упрекал обратившуюся к вере интеллигенцию в том, что она хочет сделать из религии орудие преобразования общества, наилучшего устройства земной жизни. Это, полагал он, свидетельствует об отсутствии у «богоискателей» подлинного религиозного чувства, которое подменяется рассудочными «самочинными умствованиями» о Боге². В полемике с Соловьевым в 1893–1894 гг. Тихомиров также критиковал либеральное понятие свободы как отсутствия стеснений, считая его бессодержательным.

Как видишь, наш XIX век богат на идеи и споры. Вынести бы соответствующий опыт из них и сделать правильные выводы. К ним нас подталкивает сейчас сама действительность.

А по поводу «трех искушений» – это и у Достоевского превосходно и глубоко прописано в легенде о «великом инквизиторе». Но эти искушения касаются не только чего-то внешнего, и не только католичества или протестантизма. Они касаются каждого христианина, каждого человека, в душе которого идет борьба добра со злом. Самое примитивное и неверное здесь – определить внешнего врага и обрушить на него весь свой праведный гнев. Тем самым, пусть даже косвенно, себя возвеличить как «праведника», борца за истину и справедливость. Но это не христианский, а как раз сатанинский путь, путь гордыни. Хочешь, чтобы правда преодолела ложь на земле, победи хоть один грех в себе. И вдруг окажется, что победить себя гораздо труднее, чем написать десятки статей и книжек и ходить на всевозможные митинги и демонстрации.

Еще одну опасность я увидел в твоих суждениях – это о «народе-богоносце», так скажем. Достоевский мыслил русский народ так, но на чрезвычайной метафизической глубине веры и исходя из нее. Хотя он прозревал этот образ и в настоящем народе, но все же не отождествлял. Нельзя этот великий образ непосредственно в мир переносить. Я бы сказал, что на этой глубине, и только в метафизической вере, каждый народ – богоносец. Как и каждый человек несет в себе Христа. А вот когда нация оказы-

¹ Астафьев П.Е. Национальность и общечеловеческие задачи // Астафьев П.Е. Философия нации и единство мировоззрения. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. С. 39, примеч.; 51; Он же. Общественное благо в роли верховного начала нравственной жизни // Там же. С. 186–187.

² Тихомиров Л.А. Духовенство и общество в современном религиозном движении // Тихомиров Л.А. Критика демократии. Избранные статьи. М.: Изд-во журнала «Москва», 1997. С. 364–371.

вается превыше всего, на поверхности вдруг всплывает нацизм. Именно об этом лозунг «слава Украине» (а не Богу – и вместо Него). Бог здесь – в лучшем случае лишь отретушированное дополнение к «славе» нации. Есть над чем задуматься – ведь на наших глазах осуществилось падение множества граждан страны в глубины сатанинские антихристианской, античеловеческой идеологии. В итоге «врагом» для украинцев оказались русские и Россия, фактически единственная страна в мире, которая действительно желает независимости, блага и процветания Украины. Вот наглядный итог искусственного разделения одного народа – княжеской междоусобицей, польско-литовскими геополитическими амбициями, большевистским административным делением, либералами, растащившими СССР на разные государства и отбросившими их на много веков назад, в феодальную раздробленность.

Борьба против России на Западе, деградация христианства и морали в Европе, духовно-нравственная и, как следствие, политическая и государственная катастрофа на Украине, – это все явления одного порядка. Того, что нарушены первые заповеди еще ветхозаветные – «не сотвори себе кумира», в частности, – а вслед за этим закономерно последовало нарушение и остальных. Так, на наших глазах прошло сползание Украины от патриотизма к национализму, а от него – к нацизму и откровенной бесовщине. А все потому, что нация стала больше Бога. В США больше Бога стало материальное благополучие, в Европе – чувственные удовольствия, и вот уже грех возведен в добродетель и закон. Везде вера подменена идолопоклонством. Эти же процессы идут и у нас, но мы отстаем пока от этого мейнстрима. И здесь борьба уже не с Западом, и даже не просто с нацизмом и фашизмом, вновь поднимающимся в Европе. Это – глобальная борьба, и острие ее, ее центр метафизический – в сердце каждого человека. Хотя зло может концентрироваться и географически, государственно-политически, идеологически и т.д., все же источник всего хорошего и плохого – сердце конкретного человека. За него и идет сейчас обостренная борьба, вышедшая на геополитический уровень и принявшая форму открытых войн, цветных революций, полномасштабного насилия над человеком, его информационного оболванивания. Война идет за человека, и мы должны бороться не столько с Западом, и не столько за народ-богоносец, сколько за человека как несущего в себе образ Божий. Ибо если этот образ будет поколеблен, то вместо человека обнаружится злобный зверь.

И нам есть чем бороться – это наша вера духовная, и щит наш ядерный, сохраненный еще от наших отцов и дедов. Но бороться, опять же, надо не с Западом, а прежде всего с грехом в себе, затем уже и с разъедающим Запад пороком и ненавистью к иному, альтернативному видению смысла жизни и развития человечества. Ты говоришь о ком-то, кто «в патриотическом угаре вновь мечтает о “железном занавесе”». Вот как раз именно те, кто сотворил себе кумира, жаждут такой занавес опустить на наших западных границах. И не на божественное чудо нам следует уповать, а на свой труд, духовный и физический, труд веры и работу по налаживанию экономической жизни. Тогда и Бог призрит на нас, и чудо развития может свершиться. И Крым мы не «отвоевывали» (а если и «отвоевали», то духовным своим трудом) – Крым воссоединился добровольно, ненасильственно и законно со своей родиной. Восстановилась историческая справедливость, основанная на волеизъявлении народов Крыма. Может быть, когда-то, преодолев бытующую сейчас феодальную раздробленность, мы воссоединимся если не со всем восточнославянским миром, то хотя бы с частью его. И, может быть, все человечество когда-нибудь станет единым, признав общие духовные ценности, открытые еще в «осевую» эпоху. Только такая «духовная» глобализация состоятельна и даст человечеству шанс выжить. И это не Вавилонская башня. Как писал еще Константин Леонтьев, истину украшает многообразие, а человечество богато как своими духовными традициями, так и различиями народов.

Фил. Говоришь – Христос, быть может, заповедовал нам благоустраивать жизнь своими руками... Доблагуоустраивались. А вот у христиан есть чудесное правило: все хорошее – не мы сделали, а Бог, ну, а вот плохое – это наше, человеческое.

Ты видишь реальный выход из создавшегося в мире положения? Я – нет. Легко сказать: работай на своем месте, будь совестлив, добр. Но попробуй хотя бы приостановить либерально-реформаторский каток на месте своей работы. Не призываю к показательной порке тех, кто стоит у руля таких катков, но маски с них снять нужно и, как минимум, лишить «разравнивать место» для реализации своих проектов. Хочу, чтобы мы ясно осознали: Россия вступила на тяжкую стезю сопротивления колоссальной силе, и жить как раньше, в относительном спокойствии, мы уже не сможем. Рубикон перейден, и впереди – или победа ценой невероятных усилий всего общества, невозможных без его объединения вокруг идеи, о которой пока стесняются говорить, или поражение, но не временное, а уже навсегда.

Соф. Успокоиться надо, прежде всего, бывали времена и похуже. Думаю, что на вызовы нужно отвечать соответствующим образом – и рационально, и метафизически. И без лишних мудрствований и «богословий», и уж тем более без истерик. Нужен просто ясный и незамутненный взгляд, доб-

родетель трезвения. И выдержка нужна, которую Россия сейчас и демонстрирует. Пусть суетятся те, кто лжет и потворствует насилию, те, на ком кровь невинных жертв: ведь ответить все равно придется – не сегодня, так завтра, не им, так их потомкам. От тебя не всегда зависит развитие событий, но от тебя всегда зависит, что и как ты скажешь ближнему своему. Так вот и займись тем, что реально можешь сделать. Враг ведь и в нас самих заключен, но хочет переключить внимание только на других. А если кто желает нас поработить, то «взявший меч от меча и погибнет». Вот и вся мудрость.

Фил. Да, Соф, ты прав – христианство антиномично. Вот и у нас с тобой выявились две разные патриотические позиции, которые не исключают друг друга. С одной стороны, потребность действовать, противостоять реальному злу, уничтожающему наши смысловые ценности, при смутном представлении о том, что конкретно делать, куда и с кем идти, с другой – трезвенное осознание того, что зло не только извне наступает, но и сокрушает тебя самого, в том числе тогда, когда, хватаясь за вилы, ты бежишь в неизвестность. Необходимо же деятельное смирение – нужна и ежедневная, ежечасная работа, и упование на Бога.

Соф. Позиции и силы, Фил, как никогда нуждаются в консолидации: времена наступают если не последние, то уж точно суровые, когда каждому придется определиться, прежде всего, внутри себя, а затем и на поприще социально-политическом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И.С. Против национального самоотречения и пантеистических тенденций, выразившихся в статьях В.С. Соловьева // Аксаков И.С. Сочинения: В 7 т. Т. 4. М., 1887. С. 212–258.
2. Астафьев П.Е. Национальность и общечеловеческие задачи // Астафьев П.Е. Философия нации и единство мировоззрения. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. С. 25–57.
3. Астафьев П.Е. Общественное благо в роли верховного начала нравственной жизни // Астафьев П.Е. Философия нации и единство мировоззрения. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. С. 178–197.
4. Астафьев П.Е. Религиозное «обновление» наших дней // Астафьев П.Е. Философия нации и единство мировоззрения. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. С. 356–399.
5. Атякшев М.В. Идея христианской общности в позднем славянофильстве: И.С. Аксаков, Н.Н. Страхов, П.Е. Астафьев, Л.А. Тихомиров. Автореф. дисс. ... к. филос. н. М., 2013.
6. Гайденок П.П. Человек и история в экзистенциальной философии К. Ясперса // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 5–26.
7. Гайденок П.П. Человек и история в свете «философских коммуникаций» Карла Ясперса // Человек и его бытие как проблема современной философии. М.: Наука, 1978. С. 97–134.
8. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 9: Братья Карамазовы. Л.: Наука, 1991.
9. Зеньковский В.В. Наша эпоха // Зеньковский В.В. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2. М.: Русский путь, 2008. С. 402–449.
10. Курочко М.М. Русская идея Владимира Соловьева // Пространство и Время. 2010. № 2. С. 137–139.
11. Лебедев В.В. Выступление на конференции «Вызовы времени и пути развития церковной жизни» 21.06.2006 [Электронный ресурс] // Патриарший центр духовного развития детей и молодежи. Режим доступа: <http://www.synergia.itn.ru/project/21-06-06/14.htm>.
12. Рязанцев И., Веселкина Т. Социальный портрет «молчаливого большинства России» [Электронный ресурс] // Православие.Ru. 2014. 10 апреля. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/69702.html>.
13. Селезнев Ю.И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1981.
14. Семушкин А.В. «Освоее время» как условие и предпосылка генезиса философии на Западе и Востоке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2006. № 2. С. 40–49.
15. Семушкин А.В. «Освоее время» в философской культуре Востока и Запада. М.: РУДН, 1997.
16. Соловьев Вл. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Сочинения в 2 т. 2-е изд. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 736–762.
17. Соловьев В.С. Русская идея // Россия и вселенская церковь. Мн.: Харвест, 1999. С. 165–206.
18. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. М.: АСТ, 2004.
19. Тихомиров Л.А. Духовенство и общество в современном религиозном движении // Тихомиров Л.А. Критика демократии. Избранные статьи. М.: Изд-во журнала «Москва», 1997. С. 364–371.
20. Bjork D.E. "The Future of Christianity in Western Europe The End of a World." *Missiology: An International Review* 34.3 (2006): 309–324.
21. Martin D. "The Return of Ancestral Gods: Modern Ukrainian Paganism as an Alternative Vision for a Nation." *Journal of Contemporary Religion* 29.3 (2014): 560–562.
22. Paas S. "Post-Christian, Post-Christendom, and Post-Modern Europe: Towards the Interaction of Missiology and the Social Sciences." *Mission Studies* 28.1 (2011): 3–25.
23. Shortt R. *Christianophobia: A Faith Under Attack*. London: Random House, 2012.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11—2011:

Нижников, С. А., Лагунов, А. А. Фил и Соф: диалоги о вечном и преходящем. Россия и Европа: борьба за веру / С.А. Нижников, А.А. Лагунов // Пространство и Время. — 2015. — № 4(22). — С. 54—67. Стационарный сетевой адрес 2226-7271prov_st4-22.2015.21.